

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

*ВСПОМИНАЯ МОИХ НЕСЧАСТНЫХ
ШЛЮШЕК*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.134.2-31(861)
ББК 84 (7Кол)-44
Г21

Серия «Эксклюзивная классика»

Gabriel García Márquez
MEMORIA DE MIS PUTAS TRISTES

Перевод с испанского Л. Синянской
Серийное оформление А. Фереца, Е. Ферец

Печатается с разрешения Stars and Movies Copyright B.V.
и литературного агентства
Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г21 Вспоминая моих несчастных шлюшек : [повесть] /
Габриэль Гарсиа Маркес; [пер. с исп. Л.П. Синянской]. —
Москва: Издательство АСТ, 2024. — 156, [4] с. — (Экс-
ксклюзивная классика).

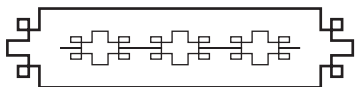
ISBN 978-5-17-084926-0

Повесть о поре, когда желания еще живы, а силы уже на исходе, — и о странной, почти мистической любви, настигшей человека в конце бездарно прожитой жизни, полной унылой работы и пошлого, случайного секса.

Любовь, случившаяся теперь, гибельна и прекрасна, она наполняет существование героя новым смыслом — и позволяет ему на мгновение увидеть без прикрас и иллюзий всю красоту, жестокость и быстротечность бытия...

УДК 821.134.2-31(861)
ББК 84 (7Кол)-44

© Gabriel García Márquez, 2004
© Перевод. Л.П. Синянская, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

От переводчика

Книга Габриэля Гарсии Маркеса называется «Memorias de mis putas tristes». Испанское слово «puta», означающее «продажная женщина», — нецензурное, срамное. Почему Гарсия Маркес, большой писатель, замечательный мастер слова, вынес в заглавие это грязное ругательство? Я думаю, дело в том, что герой, вспоминая своих не таких уж скверных, а скорее несчастных женщин, с которыми он имел дело, определяет этим словом свою жизнь, бездарно растраченную на безлюбый секс, не затрагивающий души. Этот заголовок — вопль о пропавшей жизни, в которой утехи плоти оказались самоцелью, а безлюбый секс, по выражению авто-

ра, — «утешение тех, кого не настигла любовь».

Мне кажется, что горечь этой книги еще и в том, что большой художник уловил симптомы болезни, поразившей не просто отдельную личность или поколение, но наше время, а может быть, даже и цивилизацию. Он словно увидел из своей Колумбии вереницы молоденьких девушек, стоящих на обочинах шоссейных дорог и на уличных углах во всем мире. Это не жрицы любви, не роскошные куртизанки, не модные пуганы и даже не бывалые проститутки. Это — блядушки, молоденькие, заблудшие девчонки, потерявшие всякие ориентиры в жизни и не умеющие примирить свои унылые, полуголодные будни с гламурными картинками в телевизоре. Они еще не знают, какую страшную цену им придется платить, сколько останутся на обочине, больные и никому не нужные, ожесточатся и станут платить злом за зло, бросать своих детей, спиваться...

Я перевела бы название этой книги «Вспоминая моих несчастных блядушек»,

потому что ни одно другое слово из этого ряда не передает боли автора, заключенной в сочетании «putas tristes».

И все-таки эта книга — о любви.

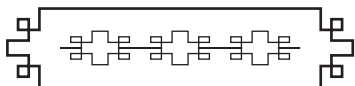
Прекрасная и гибельная любовь настигает героя на пороге небытия. Она наполняет его существование смыслом, открывает ему иное видение привычных вещей и вдыхает живое тепло в его ставшую холодным ремеслом профессию.

И еще эта книга — о старости. О той поре, когда желания еще живы, а силы уже на исходе, и человеку остается последняя мудрость — увидеть без прикрас и обманных иллюзий всю красоту, жестокость и невозвратную быстротечность жизни.

Л. Синянская

Он не должен был позволять себе дурного вкуса, сказала старику женщина с постоянного двора. Не следовало вкладывать палец в рот спящей женщины или делать что-нибудь в этом же духе.

Ясунари Кавабата. Дом спящих красавиц

1

В день, когда мне исполнилось девяносто лет, я решил сделать себе подарок — ночь сумасшедшей любви с юной девственницей. Я вспомнил про Росу Кабаркас, содержательницу подпольного дома свиданий, которая в былые дни, заполучив в руки свеженькое, тотчас же оповещала об этом своих добрых клиентов. Я не соблазняялся на ее гнусные предложения, но она не верила в чистоту моих принципов. А кроме того, мораль — дело времени, говаривала она со злорадной усмешкой, придет пора, сам увидишь. Она была чуть моложе меня, и я много лет ничего о ней не слышал, так что

вполне могло случиться, что она уже умерла. Но при первых же звуках я узнал в телефонной трубке ее голос и безо всяких предисловий выпалил:

— Сегодня — да.

Она вздохнула: ах, мой печальный мудрец, пропадаешь на двадцать лет и возвращаешься только за тем, чтобы попросить невозможное. Но тут же ее ремесло взяло верх, и она предложила мне на выбор полдюжины восхитительных вариантов, но увы — да, все бывшие в употреблении. Я стоял на своем, это должна быть девственница и именно на сегодняшнюю ночь. Она встревоженно спросила: А что ты собираешься испытать? Ничего, ответил я, раненный в самое больное, я сам хорошо знаю, что могу и чего не могу. Она невозмутимо заметила, что мудрецы знают все, да не все: единственные Девы, которые остались на свете, это — вы, рожденные в августе под этим знаком. Почему ты не известил меня заранее? Вдохновение не оповещает, сказал я. Но может и подождать, сказала она, всегда знающая все

лучше любого мужчины, и попросила, нельзя ли дать ей хотя бы дня два, чтобы хорошенько прозондировать рынок. Я совершенно серьезно возразил ей, что в таких делах, как это, в моем возрасте каждый час идет за год. Нельзя, так нельзя, сказала она без колебаний, но ничего, так даже интереснее, черт возьми, я позвоню тебе через часик.

Этого я мог бы и не говорить, потому что это видно за версту: я некрасив, робок и старомоден. Но, не желая быть таким, я пришел к тому, что стал притворяться, будто все как раз наоборот. До сегодняшнего рассвета, когда я решил сказать сам себе, каков я есть, сказать по собственной воле, хотя бы просто для облегчения совести. И начал с необычного для меня звонка Росе Кабаркас, потому что, как я теперь понимаю, это было началом новой жизни в возрасте, когда большинство смертных, как правило, уже покойники.

Я живу в доме колониального стиля, на солнечной стороне парка Сан-Нико-

лас, где и провел всю жизнь без женщины и без состояния; здесь жили и умерли мои родители, и здесь я решил умереть в одиночестве, на той же самой кровати, на которой родился, в день, который, я хотел бы, пришел не скоро и без боли. Мой отец купил этот дом на распродаже, в конце XIX века, нижний этаж сдал под роскошную лавку консорциуму итальянцев, а второй этаж оставил для себя, чтобы жить там счастливо с дочерью одного из них, Флориной де Диос Каргамантос, прекрасно исполнявшей Моцарта, полиглоткой и гарибальдийкой и к тому же самой красивой женщиной с потрясающим свойством, какого не было ни у кого во всем городе: она была моей матерью.

Дом просторный и светлый, с гипсовыми оштукатуренными арками и полами, набранными флорентийской мозаикой с шахматным узором; четыре застекленные двери выходят на балкон, который опоясывает дом, куда моя мать мартовскими вечерами выходила со своими итальянскими кузинами петь любов-

ные арии. С балкона виден парк Сан-Николас, собор и статуя Христофора Колумба, еще дальше — винные подвалы на набережной, а за ними — широкий простор великой реки Магдалены, разлившаяся в устье на двадцать лиг. Единственное неудобное в доме, что солнце в течение дня поочередно входит во все окна, и приходится занавешивать их все, чтобы в сиесту попытаться заснуть в раскаленной полутьме. Когда в тридцать два года я остался один, я перебрался в комнату, которая была родительской спальней, открыл проходную дверь в библиотеку и начал распродавать все, что было мне лишним для жизни, и оказалось, что почти все, за исключением книг и пианолы с валиками.

Сорок лет я работал составителем новостей в «Диарио де-ла-Пас», работа заключалась в том, чтобы на понятном местному населению языке расписывать мировые новости, которые мы перехватывали на лету в небесном пространстве на коротких волнах или по азбуке Морзе.

Сегодня я скорее выживаю, чем живу на пенсию за то уже умершее занятие; еще меньше мне дает преподавание латинской и испанской грамматики, почти совсем ничего — воскресные заметки, которые я строчу без усталости вот уже более полувека, и совсем ничего — коротенькие заметочки о музыке и театре, которые я публикую задаром каждый раз, когда сюда приезжают знаменитые исполнители. Я никогда не занимался ничем другим, только писал, но у меня нет ни писательских способностей, ни призвания к этому, я совершенно не знаю законов драматургической композиции и ввязался в это дело только лишь потому, что верю в силу знания, которое черпал из множества за жизнь прочитанных книг. Грубо говоря, я — последыш рода, без достоинств и блеска, которому нечего было бы оставить потомкам, если бы не то, что со мной случилось и о чем я рассказываю в этих воспоминаниях о моей великой любви.

О своем дне рождения в день девятностолетия я вспомнил, как всегда, в

пять утра. Единственным делом на этот день, пятницу, у меня была подписная статья для публикации в воскресенье в «Диарио де-ла-Пас». Утренние симптомы были идеальны для того, чтобы не чувствовать себя счастливым: кости болели с самого рассвета, в заднем проходе жгло, да еще грохотал гром после трех месяцев засухи. Я помылся, пока готовился кофе, потом выпил чашку кофе, подслащенного пчелиным медом, с двумя лепешками из маниоки, и надел домашний льняной костюм.

Темой статьи в тот день, конечно же, было мое девяностолетие. Я никогда не думал о возрасте как о дырявой крыше, мол, видно, сколько уже протекло и сколько жизни осталось. Ребенком я услышал, что когда человек умирает, вши, гнездившиеся в его волосах, в ужасе расползаются по подушке, к стыду близких. Это так поразило меня, что я дал остричь себя наголо, когда пошел в школу, а ту жиденькую растительность, которая у меня осталась, я мою свирепым мылом, ка-